

Вл. Гаков

Неописуемый чудак из глубинки

Именно таким был недавно ушедший Р. А. Лафферти, всего двух лет не доживший до своего девяностолетия. Как всякий чудак (многие, впрочем, не колеблясь, называли его гением), он нередко попадал в поле зрения критиков.

Однако, основательно «покопавшись» в его корнях и его творчестве, большинство отступалось, разводя руками. Решительно невозможно описать эту странную личность! Тем более не поддается рациональному анализу еще более «неописуемое» творчество Лафферти. Но с тем, что без этого автора современная фантастика заметно поблекла бы, сегодня согласны все.

В биографии писателя при всем желании не отыщешь ничего, что дало бы исследователю хоть малюсенький ключик к его творчеству.

Родился Рафаэль Алоизий Лафферти 7 ноября 1914 года в маленьком городке Ниоле, затеряншемся в одном из самых «деревенских» штатов Америки — Айова. Отец будущего писателя владел небольшой фермой (к земле его потянуло только после того, как он в пух и прах проигрался на бирже), а мать работала учительницей в сельской школе. В 1918 году семейство Лафферти перебралось еще дальше на запад — в штат Оклахома, сначала в деревушку Перри, а потом в город Талсу. В Талсе Рафаэль Лафферти прожил всю оставшуюся жизнь, почти никуда из своей глубинки не выезжая. У него даже машины не было — не потому, что не на что было купить, а потому, что за почти девять десятков лет жизни Лафферти так и не удосужился обзавестись правами. В Америке одно это гарантирует постоянное внимание прессы — чудак, эксцентрик! Но писатель и журналистов не жаловал, что уже делало его личностью подозрительной.

Впрочем, один «ключик» все же имелся. Родители Лафферти были ревностными католиками и своих детей воспитали соответствующе. Как вспоминал потом писатель, в его детстве было только два ярких события — первое причастие и горящий крест кукуклукклановцев на соседнем пустыре. Вообще-то ревностный католицизм среди американских фантастов — явление не менее редкое, чем отсутствие автомобильных прав. Кордвайнер Смит, Уолтер Миллер да Джин Вулф — вот первые, кто приходит на ум, и во всех этих редких случаях научная фантастика тоже получается редкая, «штучная».

После католической школы жизнь его была исключительно приземленной, если не сказать рутинной: незаконченная учеба в местном университете, затем заочные инженерные курсы и работа в компании по производству электрооборудования. В эту рутину вторглась война: в 1942-м после Перл-Харбора рядовой Лафферти отправился сражаться с японцами на Тихом океане. Он дослужился до сержанта и вернулся в Талсу с боевой медалью за участие в кампании по освобождению Новой Гвинеи. После этого почти тридцать лет проработал на одном месте и ушел на пенсию в 1971-м. Впрочем, к этому времени у Лафферти появилась и другая работа, по душе. Это была литература.

Писать он начал также необычно поздно — по американским стандартам. Первая публикация 45-летнего дебютанта увидела свет в провинциальном литературном журнале, издававшемся в соседнем штате Нью-Мексико. Это был реалистический рассказ «Повозки». А в следующем, 1960 году вышел и первый научно-фантастический рассказ Лафферти — «День ледника». За последующие два десятилетия писатель опубликовал более 200 рассказов, составивших два десятка сборников, и более двадцати романов.

Казалось бы, неплохой творческий «выход»... Но беда в том, что большинство произведений Лафферти увидело свет в так называемых «малых» издательствах, выпускавших

книги и сборники небольшими тиражами, как правило, посвящая их экспериментальной прозе, не рассчитанной на коммерческий успех.

А проза Лафферти вся от начала до конца была экспериментальной. Он за двадцать лет перепробовал все, что мог, ни разу не соблазнившись уютным в материальном плане «плаванием по течению». Потому его так любили печатать составители авангардных антологий (типа серии «Orbit» под редакцией Даймона Найта), но редко отмечал премиями американский фэндом. Как точно заметил легендарный американский составитель антологий Мартин Гарри Гринберг:

«Лафферти — самый причудливый, заковыристый, смешной и в то же время совсем не «центральной» писатель в истории научной фантастики. Хотя он собрал достаточное количество самых превосходных эпитетов в свой адрес и даже завоевал одну премию «Хьюго», ему явно не светит коммерческий успех многих из тех, кто недостойн таскать за ним его пишущую машинку. Сдается, что в этой стране странность — все еще не лучший товар для продажи».

Славу Лафферти принесли рассказы, а не романы, — еще одна из длинного списка его странностей в мире англоязычной НФ. Рассказ «Плотина Евремы» (1972) принес писателю его единственную высшую премию — «Хьюго»¹. А такие шедевры научно-фантастической короткой формы, как хорошо известные читателям «Долгая ночь со вторника на среду», «Планета Камирой», «Вначале был костыль», а также «Продолжение на следующем камне» стали украшением не одного десятка антологий.

Сам Лафферти охотно и подробно говорил о своем отношении к романам и рассказам. Позволю себе длинную цитату — пусть сам автор хоть частично облегчит критику нелегкую задачу анализа произведений Лафферти: «Мои романы, которые я писал с большой натугой, получили намного больше читательского и критического внимания, чем мои рассказы, которые сочинялись как бы сами по себе, без моего участия. Тем не менее рассказы представляются мне куда значительнее, чем романы... Я исповедую ту теорию (считая ее безусловно истинной), что хорошие рассказы пишутся сами, иначе говоря, они являются независимыми и представляют собой какие-то сущности (или даже живых существ), которые время от времени являются людям. Иногда это люди, обладающие свойством резонировать на все необычное, что им является и что проникает в них помимо их воли; как раз с помощью таких людей эти неведомые нам сущности проявляют себя — так и остальные узнают об их существовании. Вы уже догадались, что эти «резонантные» люди называются писателями. И я не могу не испытывать радости оттого, что несколько таких рассказов-сущностей когда-то явились не кому-нибудь, а именно мне.

В жизни каждого человека случается не так уж много действительно ярких встреч с чем-то абсолютным, совершенным. Я лишь однажды встретился «лицом к лицу» с горной львицей — и это стало для меня открытием. Лишь однажды видел, как кит выпрыгивает из океанских волн. Лишь раз наблюдал за рогатым горным козлом на краю скалы. Лишь раз любовался розовым фламинго в полете... И лишь по разу встречался с каждой из тех сотен удивительных сущностей-историй, которые и стали впоследствии моими напечатанными рассказами. Они приходили ко мне столь же незаметно и непредсказуемо — и производили в моей душе такой же переворот, — как и та львица, и тот фламинго... Я верю, что существует Вселенское Бессознательное, которое подобно пещере Али-Бабы, освещенной 999 свечками, существует во всех людях и прочих тварях. И вот каменные глыбы, закрывавшие пещеру, внезапно открываются перед вами, и вас ждет встреча с необычным, ужасным, прекрасным

¹ Писатель разделил ее с Фредериком Полом и покойным Сирилом Корнблатом — соавторами другого премированного рассказа, «Встреча». Кроме того, на премию «Небьюла» номинировались «Долгая ночь со вторника на среду» и «Продолжение на следующем камне», а также романы «Властелин прошлого», «Четвертые резиденции» и «Дьявол мертв», а на Премию имени Филипа Дика — рассказ «Железные слезы».

или смешным... Тот, кому посчастливилось заглянуть в пещеру и повстречаться с ее диковинами, не может вечно держать это новое знание — или откровение — внутри себя. И тогда начинается поиск людей, с которыми хочется разделить удивительное открытие».

Рассказы Лафферти только маскируются под «простые и легко читаемые истории» — в них всегда полно вторых планов и скрытых смыслов, которые легче всего теряются в переводах. И хотя лишь немногие из его произведений точно ложатся в рыночный трафарет *science fiction story*, по сути, ни один рассказ Лафферти не может быть назван и реалистическим — даже тот, в котором, на первый взгляд, не происходит ничего фантастического. Если это реализм — то особый, магический, сродни прозе Маркеса, Борхеса, Касареса и других мастеров латиноамериканской прозы. В причудливой Вселенной Лафферти все не так, как в нашем мире, даже если рассказ писателя и был опубликован под ярлычком *mainstream*. Потому что Лафферти — фантазер в душе, а не холодный ремесленник, пишущий фантастику. А еще он — заразительный юморист, хотя и не сказать, что светлый и легкий. И изощренный мифотворец. И глубокий, не без религиозной истовости, философ. И отличный стилист и рассказчик.

Писал Лафферти и традиционную НФ, если под этим понимать самое популярное пространство-время этой литературы — будущее и иные миры. Другое дело, как именно писатель использует уже порядком затоптанный в фантастике «футурокосмический» полигон. Взять, к примеру, роман «Космический морской заповедь» (1968). Внешне это традиционная космическая опера, однако эрудированный читатель легко обнаружит здесь остроумный и парадоксальный пересказ гомеровской «Одиссеи». А несколько рутинная сюжетная завязка романа «Анналы Клепсиса» (1983) — историк прибывает на другую планету для сбора научной информации — неожиданно оборачивается сложной и многоплановой философски-религиозной притчей: ученый обнаруживает, что никакой «истории» в этом мире пока нет, а окружающая его реальность — лишь прелюдия к истинному «началу времен», которое произойдет по воле Создателя Вселенной.

Слова «религия» и «Создатель» упомянуты не ради красного словца. Самый известный роман Лафферти — «Властелин прошлого» (1968) — не только и не столько история великого гуманиста и основоположника литературной утопии сэра Томаса Мора, которого некие силы «извлекли» из прошлого и послали возглавить правительство на далекой планете (тоже претендующей на звание «утопической»). Лафферти более волнует образ великого религиозного упряма Томаса Мора, «человека на все времена», который, как и герой Стругацких, не воспользовался подаренной ему «попыткой к бегству». И снова с той же последовательностью готов заплатить жизнью за свою свободу — свободу совести. Если кто забыл: Мора казнили не за «социалистическую утопию», а за отказ публично признать право короля на развод и повторный брак. И даже не за критику этого поступка, греховного, с точки зрения всякого уважающего себя католика, а всего лишь за «преступное» молчание...

Религиозные мотивы присутствуют и в других романах Лафферти. Неудачей заканчиваются попытки инопланетных «мессий» утвердить гуманность на нашей «падшей» планете в «Рифах Земли» (1968) и в более поздней «Аврелии» (1982); а в пиротехнической философской притче «Четвертые резиденции» (1969) извечная битва Добра и Зла все еще продолжается — с переменным успехом и неясным финалом. И даже в цикле произведений об Институте Нечистой Науки (многие из них собраны в книгах «Прибыв в Эстервайн: автобиография машины Ктистик» и «Эlegantным взором: рассказы об Астро и о людях, которые знают все»), внешне совсем не похожих на тяжеловесные морально-назидательные притчи, в самом названии места действия заложена главная моральная проблема, мучившая Лафферти всю жизнь — проблема взаимоотношений науки и этики.

Вообще для Лафферти (как и для такого же католика Уолтера Миллера) вопросы истины и морали, как понимают их религиозные люди, архиважны и фундаментальны. Моральная составляющая, пусть и не сразу, обнаруживается даже в самых язвительных и абсурдистских

рассказах, в которых, на первый взгляд, Лафферти камня на камне не оставляет от всех и всяческих «абсолютных истин». И писатель поневоле от года к году мрачнел, наблюдая, как в окружающем его мире высшие ценности размываются и исчезают, подменяются ценниками на товарах. В своей «Иллюстрированной энциклопедии научной фантастики» (1995) Джон Клют сказал об этом исчерпывающе точно:

«Религия по-прежнему не играет существенной роли в современной научной фантастике: обычно сюжет и проблематика произведения мало связаны с тем, к какой религиозной конфессии принадлежит автор. В этом отношении — как и во многих других — Лафферти фигура уникальная. Он католик, и, если копнуть под внешний слой его нарочито игривых историй, в них всегда обнаружится «моралите».

Лафферти в душе — моралист. И даже более того — самые дикие полеты его фантазии не только подтверждают те или иные постулаты, которые, с точки зрения правоверного католика, должны направлять поведение, но еще и представляют собой амбициозную попытку морально «выправить» саму Вселенную.

Иначе говоря, представить дело так, что вся окружающая нас материальная реальность — не более чем некая вселенская театральная сцена, а наши поступки включены в действие развертывающейся космической моральной драмы».

Он в общем сумел не так мало написать за двадцать лет. Кроме НФ Лафферти писал еще и фэнтези (в 1990 году он получил Всемирную премию фэнтези за общий вклад в развитие жанра), а также произведения, которые можно условно обозначить как «исторические фантазии». Такова его дилогия, состоящая из романов «Зеленое пламя» (1971) и «Полнеба» (1984), действие которой разворачивается в позапрошлом веке, а сюжетные коллизии движет борьба героя-ирландца и его интернационального воинства, называющих себя «зеленой революцией», с революцией «красной», которую возглавляет сын дьявола! Обращался Лафферти и к истории коренных жителей Северной Америки, согнанных со своих земель белыми поселенцами (роман «Окла Ханнали»).

Но с 1980 года он стал писать гораздо меньше — перенесенный инфаркт приковал Лафферти к постели. А в 1994-м последовал второй. Но Лафферти прожил еще восемь лет — не покидая дома для тяжелобольных и престарелых при францисканском монастыре в Оклахоме. Когда 18 марта 2002 года писатель умер и был похоронен на католическом кладбище в Пери (там, где прошло его детство), выяснилось, что он всю жизнь прожил фактически один, убежденным холостяком (долгие годы с ним жила его сестра, пока не умерла), и весь круг общения Лафферти составляли книги. А также виски, запасы которого поражали редких друзей и знакомых затворника, когда они еще посещали его дом. На фантастических конвенциях он появлялся редко — и всегда держался особняком.

У него, дипломированного инженера-электрика, никогда в жизни не было компьютера — все свои произведения Лафферти по старинке «отбивал» на разбитой механической пишущей машинке.

Нет, правда, чудак неопикуемый.